

ЭТЮДЫ ИЗ ИСТОРИИ БОСПОРА РИМСКОГО ВРЕМЕНИ

*(Политические взаимоотношения Рима и Боспора
при царях Фарнаке и Асандре)*

Д. П. Калистов

После окончания войн с Митридатом Евпатором проблема взаимоотношений Рима с Боспором вновь приобретает актуальность уже при Цезаре, в прямой связи с выступлением Фарнака. В этом выступлении нельзя не видеть известного рода рецидив длительной и упорной борьбы против римской экспансии на Востоке, так широко поднятой и организованной Митридатом. В последнем можно убедиться, прежде всего, на основании ряда аналогий между этими обоими движениями.

Подобно своему отцу, Фарнак начинает подготовку к борьбе с Римом с расширения и укрепления своего тыла¹. Так же, как в свое время Митридат, он использует для выступления момент внутреннего ослабления своих врагов, вызванный новым обострением гражданской войны в Риме, что совершенно определенно подчеркивается как Аппианом, так и Кассием Дионом и Флором². Но аналогия идет и более глубоко. Задача концентрации сил для предстоящей борьбы с римлянами приводит Фарнака к тем же затруднениям внутривосточного характера, которые перед этим сыграли решающую роль в трагическом окончании эпопеи Митридата Евпатора.

Дело в том, что, подготавливая свое выступление, Фарнак также обнаруживает стремление найти опору одновременно и в городах прибрежной полосы, в ту пору уже совершенно определенно ориентировавшихся на Рим³, и в окружающих Боспор «варварских» племенах, занимавших в этом вопросе диаметрально-противоположную позицию⁴. В этом отношении чрезвычайно характерен рассказ Аппиана (Арр.—Митр., 120) о том, как Фарнак, после осады и захвата Фанагории, не причиняет жителям города никакого вреда, но, наоборот, делает их своими друзьями (... βλάβης οὐδέν ἀλλὰ φίλους ποιησάμενος). Правда, Фарнак при этом не забывает захватить и заложников, ибо его новоявленные «друзья» навряд ли могли

¹ Strab., VII, 4, 3; XI, 2, 11; 5, 8. Ср. Brandis, RE, III, S. 777 f.; Латышев—Понτικά, стр. 96.

² Арр.—Митр., 120; Dio, XLII, 45; Flor.—Epit., II, 13, 61.

³ Помимо предшествующего восстания городов во главе с Фанагорией (см. мою статью в «Вестнике древней истории» № 2 за 1938 г.), об этом говорит IosPE I², 691, из которой устанавливается факт посольства херсонесцев в Рим к Цезарю. Ср. комментарии к указанной надписи Латышева в IosPE I² и Ростовцева в ИАК, 63, стр. 1 сл.

⁴ См. мою указанную выше статью.

с особым энтузиазмом отнестись к походу против римлян, даровавших незадолго перед тем автономию Фанагории (A p p.—Mithr., 113).

Развитие дальнейших событий, связанных уже с именем Асандра¹, еще раз показало несостоятельность этой политики. Следует думать, что в данном случае вопрос об отношениях к Риму в сущности отражал более глубокие противоречия между рабовладельческими городами побережья и широкими слоями туземного населения. Поэтому, когда Фарнак, уже после битвы у Зелы, бежит на северный берег Понта, скифы и сарматы сохраняют ему верность и помогают захватить отложившиеся от него Пантикапей и Феодосию (A p p.—Mithr., 120). Уже одно это обстоятельство дает основания предполагать, что Асандр, в противоположность Фарнаку, поддерживали определенные слои городского населения прибрежной полосы, в частности Пантикапея и Феодосии, и что, таким образом, борьба между Фарнаком и Асандром является далеко не одной только династической распрей². С точки зрения известной части населения рабовладельческих городов, опасавшихся повторения недавно пережитых бедствий большой войны, измена Фарнаку в целях угодить Риму и предотвратить опасность новых потрясений могла быть популярной. С другой стороны, активно антиримская позиция «варваров» как в дни восстания городов во главе с Фанагорией и измены самого Фарнака³, так и теперь, осталась, повидимому, непоколебленной. Может быть, не без основания именно поэтому в дальнейшем Асандр оказался вынужденным укреплять границы своего государства стенами против враждебных его политике скифов и сарматов⁴.

Таким образом, сопоставляя выступление Фарнака с предшествующим движением Митридата, можно прийти к выводу, что обстановка в Северном Причерноморье за истекший промежуток времени не изменилась в более выгодном для римских интересов направлении. Попрежнему здесь, наряду с романофильски настроенными городами, продолжают существовать силы, готовые, как только к тому представится удобный случай, с оружием в руках поддержать любое выступление против Рима. Поэтому хотя Цезарю после победы у Зелы было и не до Боспора, и он, как говорит Аппиан (B. civ., II, 92), не имел возможности заниматься «такими ничтожными делами», как преследование Фарнака, все же опыт предшествующей политики Помпея был им учтен. Очевидно, в Риме поняли, что признание прав на боспорский престол за Асандром, хотя он и выступил против Фарнака на стороне римлян, само по себе, без дополнительных гарантий, не дает решительно никакой уверенности в его преданности интересам римской

¹ Dio, XLIII, 46, 4. Дион говорит, что Асандр поднял восстание с целью «угодить римлянам». Это произошло еще до битвы у Зелы. Ср. A p p.—Mithr., 120.

² На такой точке зрения стоят Ростовцев и Шкодрин (ИАК, 37, стр. 14 сл.). Основываясь на надписи, найденной в 1909 г. в Эль-Тегене, они видят в Асандре представителя старой династии Спартокидов, добивающегося восстановления своей власти. Но единственный существенный аргумент, который ими при этом выдвигается, это—изображение трезубца на медных монетах Асандра, периода его архонства, совпадающее с таким же изображением на золотых монетах Перисада.

В дальнейшем Ростовцев, повидимому, отходит от этого предположения, ибо в своей статье в «Древностях» (т. XXV, стр. 16) он высказывает уже предположение о сарматском происхождении Асандра.

³ См. мою указанную выше статью. Об участии туземных племен в выступлении Фарнака см. L. A m p e l i u s, XXXIV, 1, который говорит, что Фарнак вторгнулся в Сирию с войском своего отца (milite patris sui). Это подтверждается A p p.—Mithr., 120, и Strab., XI, 5, 8.

⁴ Strab., XI, 495.

политики в дальнейшем. Вместе с тем Цезарь, перед лицом гораздо более важных для него проблем, не располагал необходимыми военными ресурсами для водворения более выгодных Риму порядков на Востоке. С незначительными отступлениями он повторяет все ту же, давно ставшую для Востока традиционной, внешнеполитическую линию опоры на зависимых от Рима царей¹.

В этих условиях единственным доступным для него средством разрешить боспорскую проблему и добиться хотя бы относительной гарантии спокойствия на этих границах было—посадить своего человека на боспорский престол,—прием и ранее широко практиковавшийся в восточной политике. Таким человеком оказался верный сотрудник Цезаря Митридат Пергамский, направленный на Боспор уже после того, как Фарнак был убит в сражении с Асандром в 47 г. до н. э.² Только с этого времени можно говорить о реальных попытках ввести Боспор в сферу римского политического влияния, в том смысле, в каком понимал его Страбон (XVII, 3, 24 и VI, 4, 2), ибо все, что было раньше, не подходит ни под одну из перечисляемых им форм зависимых отношений, устанавливаемых Римом. В сущности, в период деятельности на Черном море Лукулла и Помпея римляне не могли пойти дальше признания уже совершившихся, помимо их непосредственного участия, событий, и только теперь, в случае с Митридатом Пергамским, можно наблюдать первые действительные попытки активизировать римскую политику в этом районе. Однако Кассий Дион (XIII, 48) указывает, что и теперь Митридату Пергамскому было только «разрешено» воевать с Асандром (... ἔδωκε πρὸς τὸν Ἀσάνδρον πόλεμον). Повидимому, это «разрешение» не сопровождалось никакими мерами реальной военной поддержки, и Митридат, так сказать, был предоставлен собственным силам. В связи с этим обстоятельством следует поставить и весьма своеобразную на первый взгляд аргументацию, при помощи которой и Митридат Пергамский и его противник Асандр пытаются обосновать свое право на боспорский престол. Еще Моммзен³ обратил внимание на то, что оба они стремятся доказать свою принадлежность к прежней династии Ахеменидов. Для этого Асандр, по расчету Заллета⁴, уже в возрасте 63 лет женится на Динамии, дочери своего недавнего врага и соперника, а Митридат Пергамский пытается выдать себя за незаконного сына Митридата Евпатора⁵. Если такого рода аргументация еще была с известными натяжками уместна для Асандра, то она совсем уже не шла римскому ставленнику Митридату Пергамскому.

Все это показывает, что авторитет Рима в это время еще низко котиrowался на Боспоре и претендентам на царский престол прежде всего приходилось считаться с обстановкой на месте.

На кого же в таком случае была рассчитана эта своеобразная аргументация? Совершенно очевидно, что не на прибрежные города, восстававшие против Митридата и Фарнака и обращавшиеся в Рим с посольствами.

¹ Dio, XIII, 48. Подробно о политике Цезаря на Востоке см. W. Judeich—Cäsar in Orient, где собран исчерпывающий материал, и ст. Ростовцева, ИАК, 63, стр. 1 сл.

² Strab., XIII, 4, 3; App.—Mithr., 120, 121; Bell. Alex., 78, 2; Dio, XLII, 48, 4; «Inscr. v. Pergamon», № 377, 378. Ср. Judeich, op. cit., S. 62 и В. В. Латышев—Почти стр. 97.

³ Mommsen, R. G., V. S. 287 (1885).

⁴ Sallet—Beiträge zur Geschichte und Numismatik der Kön. d. Cimmer. Bosphoros. Ср. Ростовцев, «Древности», XXV, стр. 12 сл.

⁵ Strab., VIII, 4, 3; ср. Bell. Alex. 72, 2.

Тогда остается предположить, что и Митридат Пергамский и Асандр не могли не считаться с политическими симпатиями и антипатиями более широких слоев туземного населения, в частности и прежде всего, с окружающими со всех сторон боспорскую территорию «варварскими» племенами. Далее, основываясь на изложенном, можно заключить, что в рассматриваемое время эти группы населения были силой, во многом определявшей общую ситуацию в Северном Причерноморье. Страбон, расценивая эту силу с точки зрения интересов римской политики, говорит, что «варвары», КОТОРЫХ он в этом отрывке обобщает под именем «номадов», ни к чему не годны, «вследствие трудности сношений с ними и требуют гарнизонов», очевидно для отражения их нападений¹. Только Митридату Евпатору, и то лишь ценой разрыва с прибрежными городами, удалось преодолеть эти трудности. Поэтому его имя, очевидно, продолжало оставаться популярным в среде этих его бывших союзников, так мужественно и последовательно сражавшихся под его знаменами против Рима. Что касается Асандра и Митридата Пергамского, то, поскольку они, повидимому, не располагали военными силами, достаточными для решения вопроса о власти оружием, им оставалось спекулировать теперь его именем. Традиционная популярность имени Митридата Евпатора обнаруживается и в надписи царицы Динамии (IosPE, II, 356), где термин *φιλορώματος* уживается с подчеркнуто громким титулом Митридата и Фарнака, как ее предков.

Борьба Митридата Пергамского с Асандром из-за боспорского престола заканчивается, как сообщает Стр а б о н (XIII, 4,3), его смертью и победой Асандра. Тем самым римская политика вновь оказалась перед лицом совершившегося помимо ее воли факта, не совпадавшего с расчетами Цезаря. Как реагировал он на эти события? По этому вопросу мнения в литературе расходятся, что обусловлено неполнотой и некоторой противоречивостью источников. Дело в том, что эпоха Асандра представлена довольно значительным нумизматическим материалом. При этом известные нам золотые статеры Асандра помечены буквами от А до ΘΚ, представляющими собой, по единодушному мнению всех нумизматов², счет годов его царствования с первого по двадцать девятый. При этом на статерах трех первых лет его правления имя Асандра приведено с титулом архонта (*Ἀρχοντος Ἀσάνδρου*), в дальнейшем же он неизменно титулуется на своих золотых статерах *βασιλεύς*. На медных монетах, без указания дат, с типом мужской портретной головы или типом головы Ники на лицевой стороне и пророй на обороте, имя Асандра приводится только с титулом архонта³.

Казалось бы, при таком положении вещей вопрос о датировке времени правления Асандра и получения им царского титула, в зависимости от которого решается вопрос о его взаимоотношениях с Римом, не должен был вызывать особых затруднений, но, на беду, мы не располагаем точными данными о годе его смерти. Единственным источником, который мог бы пролить свет на это событие, является известие К а с с и я Д и о н а (LIV, 24) о восстании Скрибония и направлении на Боспор Полемона, что последовало уже после смерти Асандра, в правление его жены Динамии. Кассий

¹ Strab., VI, 4, 2. При использовании этого текста Страбона нами принимаются конъектуры В. В. Л а т ы ш е в а. См. «Scythica et Caucasica», стр. 107.

² Ср. В. В. Л а т ы ш е в — *Ποντική*, где в прим. 2 к стр. 98 сведена основная литература.

³ По авторитетному мнению А. Н. Зографа все эти медные монеты Асандра представляют перечеканки, выполненные весьма спешно. О монетах Асандра см. Б е р т ь е - Д е л а г а р д, ЗОО, т. XXIX, стр. 140. Там же таблицы с их изображениями.

Дион относит эти события к консульству Марка Красса и Гнея Корнелия (14 г. до н. э.). Но исследование Заллета¹ доказало, что датировка Диона относится только к указанным выше событиям, связанным с именами Скрибония и Полемона, а не к смерти Асандра, которая могла последовать несколько раньше. Таким образом, эта дата Диона не может служить отправной точкой для выяснения хронологии царствования Асандра, но зато у Заллета явилась возможность примирить ее с датой на известном золотом статере царицы Динамии², отмеченном 281 г. Боспорской эры (17/16 г. до н. э.). Поскольку трудно себе представить, чтобы монеты с ее именем чеканились параллельно с монетами Асандра при его жизни, Заллет приходит к выводу, что 281 г. Боспорской эры и есть год смерти Асандра. На этом основании построены все дальнейшие его расчеты, которые сводятся к прибавлению 29 лет правления Асандра, известных из его монет, к предположенному году его смерти. Тогда получается, что в 46 г. до н. э. Асандр начал чеканить свои монеты с титулом архонта и в 42 г. с титулом βασιλεύς. Следовательно, только через год после смерти Фарнака³ и, очевидно, уже после победы над Митридатом Пергамским, Асандр начал считать себя архонтом. Титул же царя он получает уже во время Октавиана, что, правда, совпадает с известием, приписываемым Лукиану (Macrob., 17). Приблизительно на такой же точке зрения стоит и Орешников⁴. Последний еще дальше отодвигает эти события, полагая, что при жизни Цезаря Асандр, победивший его друга Митридата Пергамского, не осмелился бы открыто назвать себя даже архонтом. Поэтому, с точки зрения Орешникова, известие Лукиана относится только к утверждению Октавианом Асандра в титуле архонта, царский же титул он получил только в конце 41 или в начале 42 г. от Антония, изображение которого Орешников усматривает на монете с годом I⁵. Таким образом, следуя за Заллетом и Орешниковым, мы приходим к выводу, что Цезарь или утвердил Асандра только в титуле архонта (З а л л е т) или вообще никак не реагировал на боспорские события (О р е ш н и к о в), оставив этот вопрос открытым. Далее получается, что до 46 г. Асандр вообще не имел никакого титула или обходился без выпуска новой монеты, что представляется весьма маловероятным. Между тем, Б р а н д и с⁶, основываясь на 46-й главе XLII книги Кассия Диона, приводит очень убедительные аргументы в пользу того, что Асандр отпал от Фарнака еще в 48 г. Из указанной главы Кассия Диона следует, что это отпадение имело место до битвы при Зеле, датированной, как известно, 2 августа, причем Дион подчеркивает, что самое известие о восстании Фарнак получил, когда ὁ χειρὼν προσηύη. К этим соображениям Брандиса можно прибавить, что тот же факт, правда, без подробностей о зиме, вытекает и из 120-й главы XII книги Аппиана. Можно ли при этом условии допустить, что в течение всего этого времени Асандр, успевший покончить с Фарнаком и не побоявшийся встретиться с оружием

¹ S a l l e t, op. cit., S. 17 f.

² Б у р а ч к о в—Общий каталог монет, стр. 235; К е н е—Описание музея Кочубея, II, стр. 156; О р е ш н и к о в—Каталог собрания Уварова, стр. 68 (табл. II, № 443).

³ См. А р р.—Mithr., 120.

⁴ О р е ш н и к о в—Каталог древностей Уварова, VII, стр. 62 сл. и «Annuaire de la soc. de numism.».

⁵ В более поздней своей работе ту же безбородую голову Орешников уже отождествляет с чертами лица самого Асандра и там же, в конце концов, приходит к скептическому выводу, что «вопрос о сходстве—вопрос не научный, а личного взгляда». См. ИРАИМК, I, стр. 236.

⁶ B r a n d i s, RE, III, S. 777 f.

в руках римского ставленника Митридата Пергамского, не решался выпустить медную монету с титулом архонта? Кроме того, из римской внешнеполитической практики всего этого времени нам не известен ни один случай утверждения Римом на царском престоле кого-либо с титулом архонта. Самый этот термин исчезает из боспорского государственного обихода со времен Левкона I¹. Однако он продолжает существовать, но уже в новом значении, в политической системе Митридата Евпатора. Так, Аппиан в 78-й главе называет Махара архонтом Боспора, вкладывая, очевидно, в этот термин смысл наместничества².

Еще одна любопытная, уже нумизматическая, деталь. И Митридат и Фарнак, когда он стал царем Боспора, чеканят свою монету, главным образом, из золота, предоставляя чеканить медь и мелкое серебро подвластным им городам. Что касается Асандра, то и он чеканит медь только до тех пор, пока носит титул архонта, т. е., очевидно, только в течение первых лет своего правления. Сделавшись же царем, и он переходит на одно золото³, также предоставив чеканку меди городам, причем характерно, что, например, городская чеканка Пантикапея и Фанагории времени Асандра только одной медью и ограничивается. Во всем этом хочется видеть наличие определенной традиции, соединяющей чекан меди с состоянием известной подчиненности, не совместимой с представлением о царском достоинстве. Может быть, поэтому и сам Асандр ограничивался чеканом меди, пока чувствовал себя зависимым, но, конечно, не от Рима, которому эта традиция была совершенно чужда, а от Фарнака, воспринявшего политические заветы своего отца Митридата Евпатора. Выше уже отмечались черты сходства в деятельности этих двух представителей понтийской династии Ахеменидов. Очевидно, аналогия имеет место и в данном случае. Фарнак, перед тем как начать восстановление своих наследственных владений на другом берегу Черного моря, мог назначить Асандра своим наместником на Боспоре с титулом архонта, подобно тому, как это сделал Митридат Евпатор в отношении Махара, когда он почувствовал себя не в состоянии самостоятельно справиться с управлением такой значительной территорией.

Все эти соображения заставляют усомниться в справедливости изложенных точек зрения, базирующих все свои выводы на хронологическом основании статера царицы Динамии.

В конце концов, этот золотой статер, дошедший до нас в единственном экземпляре, мог быть не первым из числа выпущенных царицей. С другой стороны, где основания думать, что Динамия чеканила его именно в год смерти мужа, а не год или два спустя? Поэтому нам представляется более убедительным другое мнение, именно мнение Моммзена⁴, которое он, впрочем, оставляет без аргументации. Моммзен, отвергая отмеченное выше известие, приписываемое Лукиану (Macrob., 17), как «перемешавшее отца с сыном», считает, что титул боспорского царя был утвержден за Асандром самим Цезарем в 45—44 гг.

¹ IosPE II, 343; ср. Л а т ы ш е в—Ποντική, стр. 76.

² Правда, в главах 67 и 83 в отношении того же Махара употреблен термин βασιλεύς, но совсем в другом смысле. В главе 67 говорится, как Митридат дал боспорянам в цари Махара, т. е. в данном случае подчеркивается титул Махара в отношении к вновь завоеванному населению, а не в отношении к самому Митридату. То же в главе 83, где рассказывается о взаимоотношениях Лукулла с Махаром.

³ См. Б е р т ь е - Д е л а г а р д, ЗОО, XXIX, стр. 140; ср. О р е ш н и к о в, НС, т. III, стр. 31 сл.

⁴ «Römische Geschichte», V, S. 287, прим. 1 (Berlin 1885).

Следовательно, римская политика, представленная в данном случае Цезарем, оказалась вынужденной силой обстоятельств вернуться к своей исходной позиции пассивного восприятия всего того, что за это время произошло на Боспоре. Цезарю, в создавшихся условиях, повидимому, не оставалось ничего другого, как санкционировать захват власти Асандром, хотя это и противоречило первоначальному римскому плану. В данном случае Цезарь оказался только менее счастливым, чем Помпей, поставленный в свое время выступлением Фарнака в такое же положение. Было удачное стечение обстоятельств, что тогда это событие оказалось в полном соответствии с преследуемой римской политикой целью. Однако последнее не меняет принципиального существа дела, ибо оба, и Цезарь и Помпей, не оказались в состоянии выйти за пределы этой, в конце концов, чисто пассивной реакции.

Объяснение этой вынужденной пассивности в конечном счете восходит к проблеме общей закономерности развития античного рабовладельческого общества и окружающего его со всех сторон мира «варваров». Рим идет уже по дороге вниз, тогда как мир «варваров» таил в себе предпосылки перехода к следующей, более высокой ступени исторического процесса¹. С этой стороны новое обострение гражданской войны в Риме, отразившееся на внешней политике Цезаря, конечно, не случайно. Также не случайно и то, что широкие слои туземного населения, когда возникла прямая угроза подчинения Боспора римскому контролю, очевидно, встали на сторону Асандра, хотя он и начал свою деятельность с выступления на стороне Рима.

Но оставляя пока эти вопросы в стороне и возвращаясь к конкретной обстановке, сложившейся ко времени последних лет жизни Цезаря, следует отметить его стремление преодолеть создавшиеся в Северном Причерноморье затруднения. Несомненно, Цезарь, вынужденный признать Асандра боспорским царем, смотрел на это признание лишь как на временное урегулирование вопроса. Об этом ясно говорят его планы похода на Парфию и вдоль Каспийского моря, по Кавказу, на северное побережье Понта² с целью замкнуть римское кольцо вокруг Черного моря и тем самым прочно включить все лежащие вокруг него земли, если не в состав территории Рима, то, по крайней мере, в сферу его прочного политического влияния. Попутно, может быть, в порядке подготовки этого плана, идет процесс постепенного освоения римлянами южного побережья Понта. Мы имеем в виду отмеченный рядом авторов вывод римских колоний около 45 г. в южные порты Евксинского побережья³. Во всем этом нельзя не видеть существенного отличия политики Цезаря от политики Помпея. После объявления Фарнака другом и союзником римского народа Помпей, по всем признакам, считал свою миссию законченной, и черноморская внешнеполитическая проблема для него перестала существовать, уступив место сирийской, египетской и иудейской⁴.

Как известно, Цезарю не было суждено приступить к осуществлению его парфяно-черноморской программы. По всем данным с его смертью она,

¹ Ф. Энгельс—Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 143 (1922).

² App.—B. civ. II, 110; III, 25, 37; Plu t.—Caes., LVIII; Sue t.—Caes., 44; Aug., 8; Vell., Pat. II, 59, 4.

³ См. Росто в ц е в, ИАК, 63, стр. 17, прим. 1, где сведены источники о выводе колоний.

⁴ Ср. М о м м з е н—Римская история, т. III, стр. 113 сл. (русск. пер. изд. 1880 г.).

как целое, прекращает свое существование. Никогда потом римские внешнеполитические замыслы не достигали уже такого размаха и смелости. Однако отдельные части этого грандиозного плана, так сказать, программы-минимум, продолжают и в дальнейшем существовать в роли руководящих начал внешней политики Рима на Северном Причерноморье. В частности, продолжает жить и идея добиться прочного включения Северного Причерноморья в сферу римского влияния с минимумом затрат, путем утверждения на боспорском престоле преданного Риму человека. В сущности говоря, эту цель можно сформулировать, как попытку распространить порядки, более или менее оправдавшие себя в Малой Азии, на другую сторону Черного моря. При таком положении вещей перед боспорскими сторонами вставала дилемма: либо постараться предупредить события и самим записаться в число друзей и союзников Рима, либо вернуться на старый путь митридатовской политики и, опираясь на другие силы, отстаивать с оружием в руках самостоятельность своего существования. Совершенно очевидно, что решение этой дилеммы в ту или другую сторону было для каждого из представителей боспорского престола обусловлено прочностью внутреннего положения. Выше уже говорилось, как трудно было достигнуть в этом направлении равновесия при невозможности примирить интересы свободолюбивых и воинственных «варваров» с интересами рабовладельческих городов, дрожавших за свою судьбу и больше всего опасавшихся своих туземных соседей. Между тем, опыт Митридата Евпатора и отчасти Фарнака показал всю тщетность попыток добиться гарантий прочности для государства при ориентации на какую-нибудь одну из этих сил, ибо надо думать, что в I в. до н. э. удельный вес их в Северном Причерноморье был еще относительно равным. Отсюда попытки политики компромисса и лавирования, свойственной в той или иной мере всем боспорским властителям этого времени. В дальнейшем, при общем направлении процесса исторического развития в сторону постепенного упадка и социальной деградации рабовладельческих городов побережья и одновременного роста сил туземного населения, с каждым новым десятилетием эти попытки делались все более и более трудными. Поэтому роль Рима в качестве третьей силы, на которую можно было опереться в этой сложной обстановке лавирования, приобретает постепенно в глазах боспорских царей все большее и большее значение.

Все эти особенности в политическом положении боспорских властителей можно наблюдать уже на примере Асандра. Начав свою карьеру с восстания против Фарнака с расчетом угодить Риму, а потом выступив против ставленника того же Рима с оружием в руках, он заканчивает свою деятельность, по крайней мере внешне, романофильской политикой¹. Если решение вопроса о времени утверждения власти Асандра римлянами оказалось связанным с значительными затруднениями, самый факт перемены политической ориентации не может возбуждать уже никаких сомнений, поскольку мы располагаем пантикапейской надписью с его именем, где к титулу «великого царя царей» прибавлен новый термин *φιλορώμαιος*². Очень при этом интересны две особенности этой надписи. Во-первых, имя и род занятий посвяителя: надпись посвятил наварх Панталеон. В глазах этого обладателя чисто греческого имени и представителя городского населения Пантикапея термин *φιλορώμαιος*, несомненно,

¹ Ср. Ростовцев, «Древности», т. XXV, стр. 13.

² *IosPE*, II. 25; ср. В. В. Латышев—*Пантика*, стр. 99, прим. 3

означал возможность беспрепятственно заниматься своей профессией в свободных от римской блокады водах Черного моря. Во-вторых, интересно впервые встречающееся в боспорской эпитафийке имя царицы, поставленное рядом с именем царя, тоже в качестве царствующей. Это упоминание царицы Динамии, безусловно, подтверждает сделанное выше предположение о политическом значении брачного союза, заключенного Асандром с представительницей династии Ахеменидов и внучкой Митридата Евпатора. Таким образом, даже в пяти лаконических строках этого посвящения можно усмотреть следы политического компромисса между населением греческих городов, заинтересованным в упорядочении обстановки любой ценой, и традиционным авторитетом и популярностью династии Евпатора в среде более широких слоев местного населения. Двдцатипятилетний срок пребывания Асандра на боспорском престоле указывает, что в данном случае эта компромиссная линия себя оправдала. Правда, от вражды со стороны «варваров», помимо брачного союза, Асандра могла спасти и воздвигнутая им стена¹. Впрочем, существование этой стены трудно примирить с традиционной политикой Митридата, приверженность к которой явно стремился подчеркнуть Асандр своим браком с Динамией, внучкой Евпатора. Последний, по словам Плиния (NH, XXV, 5), не только никогда не отгораживался от «варварских» племен стенами, но за всю свою жизнь ни разу не пользовался услугами переводчиков, очевидно, для того, чтобы ближе подойти к своим туземным подданным и союзникам.

Касаясь теперь вопроса о конкретном содержании установившихся между Асандром и Римом взаимоотношений, следует думать, что и в этот раз соглашение с римлянами все еще носило больше характер внешнеполитической декларации, не связанной с какими-либо существенными ограничениями внутреннего суверенитета боспорского правительства. На монетах имя Асандра продолжает чеканиться полностью и с титулом на всем протяжении его царствования². В других источниках, относящихся к этому времени, кроме приведенной выше надписи с новым термином *φιλώρμλιος*, никаких указаний на характер установившихся с Римом взаимоотношений не содержится. Не следует забывать, что до 30 г. внутреннее положение в Риме продолжает оставаться чрезвычайно напряженным. Гражданская война попрежнему продолжает сковывать его внешнеполитические возможности. Правда, на этот промежуток времени падает деятельность Антония на Востоке, преследовавшего цель, путем создания покорной ему восточной державы, разрешить в своих интересах вопрос о диктатуре на Западе. Но эта деятельность Антония не выходит за пределы военных действий против Парфии; к тому же эти военные операции оказываются связанными для него с рядом неудач и осложнений³. С установлением принципата Августа положение меняется, но и тут главные проблемы внешней политики Рима были связаны с западными границами и взаимоотношениями с Парфией и Арменией⁴. Характерно, что из 25 постоянных, имеющих номера, легионов Августа только три было

¹ Strab., XI, p. 495.

² Ср. Бертье-Далагард, 300, т. XXIX, стр. 140 сл.

³ Plut.—Ant., 37, 38, 50, 51; Tac.—Ann. II, 3; Vell. Pat.—2, 82; Dio, 49, 25; ср. Mommsen, RG, V., S. 364; Kromayer, «Hermes», 31, 70; Gardthausen—Augustus, II, S. 295.

⁴ Mommsen, RG, V, S. 178 f.; H. Dessau—Gesch. d. röm. Kaiserreichs, B. I., S. 360 f., 395 f.; L. Homo—L'empire romain, p. 181 s.

расположено в Сирии и Малой Азии (III Gal., VI Ferr., X Fret.) и два — в районе Мезии (IV Schyth., V Maced.), т. е. в таких районах, откуда, в случае нужды, они могли составить угрозу Северному Причерноморью, тогда как в Германии и Паннонии постоянно стояло 11 легионов¹. Таким образом, можно говорить с уверенностью, что в начале царствования Августа Северное Причерноморье и лежащие близ него районы находились вне центра римского внешнеполитического внимания. Однако у Кассия Диона содержатся указания, что кое-что было предпринято римским правительством и в направлении Причерноморья. Имеются в виду поход, предпринятый еще до Августа в 36 г. (в консульство Геллия и Нервы) Публием Кандидием Крассом против иберов и албанцев, в свое время задержавших продвижение Помпея по стопам Митридата вдоль Кавказского побережья, и военные действия Гая Луция против сарматов в районе нижнего течения Дуная, падающие на 15 г. до н. э.²

Итак, римские границы, за время Асандра, одновременно с двух сторон — и с юго-западной и с юго-восточной — подвинулись к Северному Причерноморью. У Рима начинает появляться базис для установления более прочных основ влияния над странами, окружающими Черное море. Но эти перемены нашли свое отражение уже в том периоде развития взаимоотношений между Римом и Боспором, который начинается после смерти Асандра.

¹ См. W. P f i t z n e r—Gesch. d. röm. Kaiserlegionen, S. 21.

² D i o, XLIX, 24; LIV, 20; O r o s., VI, 21, 14.

